

Обнаженный яр,

или История одного захоронения

K3 14/12 '89

СЛУЧИЛОСЬ все это в майские праздники.

Уже сами слухи вызвали неприятный осадок в душах местных жителей. Такое... Кто-то, может, и схоронил бы сгинувшего невесть когда бедолагу, но округу облетела куда как более ясная команда: «Бандиты, враги народа, только — в реку. Пусть себе плывут». Багром, веслом, палкой оттолкнув на стремнину — несись дальше, к Нарыму, совсем рядышком он — там, где отбывал ссылку Иосиф Джугашвили, прямой ответчик за содеянное, достоверно знавший, каких таких бандитов присылали по его указке в тутошние болота, тайгу, на погибель.

Изба, где жил, хранит его сундучок, стоит с мемориальной доской: здесь пребывал «видный деятель Коммунистической партии и Советского государства». Всего-то тридцать девять дней, а засвидетельствовано не только на доске. И музейные стенды кричат, что когда-то тут находился великий и гениальный отец всех народов. Грустно стоял я в Колпашеве перед таким стендом и думал: «В этих местах загублено столько людей, а попробуй-ка найди на кого-нибудь хоть самый скромненький документик... В каком городе вершила их судьбами злополучная «тройка», где притронуться к архиву, чтобы узнать, кого вымыла Обь в яру?». Конечно, в одной из комнат энского населенного пункта висит на стене или хранится в семейном альбоме выцветшая фотокарточка пропавшего неведомо где родного, любимого человека, и к ней до сих пор тянутся высохшие от горя и старости пальцы матери, жены... Может, еще остается на гвоздике пальто, костюм: ждут — не дождутся. Плывут по сибирской реке кости, обтянутые пергаментной кожей, да что же это такое, не разобравшись, вот так обойтись с чьей-то памятью, чьим-то горем, надругаться над самым святым — предать усопших земле велит человек в человеке, если он есть в нем.

Допускаю, могли лежать над Обью и враги наши, дезертиры, коих было достаточно в войну в окрестной тайге. Бродили здесь некогда и белые банды — осколки колчаковской армии. Но как бы люто ни ненавидел тех, кто мешал нам строить

На памятной встрече в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры говорилось о заброшенных могилах репрессированных людей, о том, что их необходимо привести в порядок, и дело это не должно остаться без внимания партийных, советских органов, широкого общественного участия. Передо мной письмо, которое и позвало в дорогу.

«В 1979 году в г. Колпашеве Томской области на обрывистом берегу Оби, где находилась в тридцатые—сороковые годы старая милиция, нашли человеческие черепки. В каждом из них были пулевые отверстия. За долгие годы река подточила берег и обнажила захоронение. Это была огромная яма. Здесь расстреливали «врагов народа». Убитых поливали специальным раствором, чтобы группы не разлагались. Местные власти решили избавиться от захоронения. Подогнали мощные теплоходы, оцепили берег солдатами и милицией и на глазах колпашевцев вымыли группы в реку. И понесло косточки по матушке-Оби. Вот где надо поставить памятник. Наши дети должны знать историю...»

Г. ВОЛОТКОВИЧ,
кочегар.

с. Кривошеино,
Томская область».

шел на такой шаг — вымыть винтами мощных теплоходов человеческие останки, чтобы лишь избавиться от них. Плыните прочь, подалее...

Никому и в голову не пришло перезахоронить расстрелянных. Пулевые отверстия в черепах говорили о том, что с людьми уже однажды обошлись жестоко. Наша духовная сила всегда всем служила примером, человечность народа — общепризнанна, и тем горше и обиднее за то, что произошло в Колпашеве.

Разумеется, для распорядившихся так людей в этом виделся самый легкий путь, но ведь почему никого не передернуло от мысли: «А если это репрессированные коммунисты, революционеры, советские работники, твои, загубленные в период культа личности, товарищи?!». Сотни их перебивали здесь, в Нарынской окрестной тюрьме, висевшейся четырехметровым забором с вышками на крутом колпа-

шевском берегу. Нет уже тут застенков НКВД — Обь, словно согласуясь с движением времени, наступившими переменами в нашей жизни, смыла их, обрушила, унесла прочь. Река любит гулять, не сидит в одном русле — так, бродя, и уничтожила в весенние паводки страшное место. А вот за то, что открыла большое захоронение, надо бы ей спасибо сказать — не удосужились. Салидный

котлован — я смотрю на него с высокого, студеного берега — остался на том месте, где вымывали человеческие останки, где ветер, по рассказам очевидцев, трепал истлевшую одежду.

Тут бы самое время поведать о случившемся в июне прошлого года в районе села Бараново Кривошеинского района. Опять-таки Обь обнажила неизвестную могилу.

— Выехали на место представительной комиссией. — рассказывает заведующий идеологическим отделом обкома партии М. М. Журавлев. — Смотрим — в ряд двенадцать черепов, а снизу кости ног торчат, штабелями положены. Кто? Встретились со старожилами, хотя село и умирающее, но нашлись такие. И нам рассказали...

В 1919 году бундисты подтащили к берегу баржу (были такие колчаковские «баржи смерти»), с которой снесли около шестидесяти мертвых красноармейцев. «Предайте земле», — приказали местным жителям. Вырыли большую могилу — и сделали все честь по чести. Потом памятник деревянный соорудили, но в Великую Отечественную он разрушился, пропал. Малые, старики да женщины пухли от голода, война опалила горем каждую избу — ходить не всяк мог от истощения, куда там за памятником присматривать... Словом, затерялась могила, и вот Обь нашла ее. Перенесли останки на высокий берег в село Елизарьево и там перезахоронили их, а в селе Баранове памятный знак поставили.

Да, нарымский край на-
виделся мертвых, намот-
релся всякого. В Томске мне
удалось встретиться с быв-
шим (при нем Обь обнажила
тюремную могилу) первым
секретарем Колпашевского
горкома партии, ныне гене-
ральным директором терри-
ториально-производствен-
ного объединения «Томлес-
пром» В. Н. Шутовым. Он
рассказывает:

— Сразу после первомай-
ской демонстрации мне со-
общили, что поднявшаяся
Обь вымывает кости из бе-
рега. По существовавшей
тогда одной из версий, это
были останки уничтоженных
бандитов. Так доложили ор-
ганы. Чтобы на берегу не
собирался народ, яр огради-
ли, выставили оцепление.
Экскаватор не подгонись —
опасно, река бурлит, новые
обвалы, осыпи могут быть.
Вымывали винтами буксир-
ных теплоходов. Останки
вносило в запони, прибыва-

ло к берегам. Таких случа-
ев было много.

Виктор Николаевич
человек местный, из много-
детной крестьянской семьи.
Родился и вырос в деревне
Крыловка Бакчарского рай-
она. Кого только не гнали
сюда в страшные сталин-
ские годы! Людям, чтобы
не подохнуть от холода,
приходилось жить в земля-
ных норах, попрошайничать.
Мужиков с Алтая запрята-
ли в болота. Восемь кило-
метров они клали бревно к
бревну — надо же пробить-
ся связь топи хоть к ост-
ровку твердой земли, где
можно как-то постройться,
бросить в почву в карманах
принесенное зерно. Они пре-
возмогли все, доказали, что

хозяин — он везде хозяин.
И по дороге, проложенной
на хлябях, несли в войну в
коробах за спиной выращен-
ный ими хлеб. Шли и из
болот госпоставки — вот
оно как. Не потому ли и се-
годня в области берут с ко-
ровы и по три с половиной,
и по четыре тысячи литров
молока в год, что остался
здесь дух тех жизнестойких
«переселенцев»?

Мужик иногда такое пал-
нет, отчаявшись прокормить
семью и надрывая пуп, что
потом его, бедолагу, гнали
за язык в Колпашевскую
тюрьму. И никому не было
дела до сирот, до того, что
мальчишки на одних колоб-
ках (картошка с луком) ло-
мались по две смены на ле-
созаготовках и уходили из
жизни, не договорив, не до-
пев, не долбюб... Умирали
дети от недоедания, болез-
ней и в семье Шутовых.

— Печем с братьями в
костре картошку, — вспо-
минает Виктор Николаевич,
— подходит к нам выслан-
ный, видать, голодающий,

просит: «Дайте одну...». У
нас самих по одной на каж-
дого, животы подвело, хоть
кричи. Отказали, до сих пор
та картина перед глазами.

«Бандиты из тайги...»
Ловили их, последних дохо-
дят, лишенных всех прав,
согнанных с родной земли,
увезенных за тысячи кило-
метров от нее, охотились на
них, точно на зверей. Кто
хоть раз по-человечески по-
смотрел в полные муки гла-
за? Только отчаянно голо-
дный мальчишка, пони-
мающий, что, отдай он кар-
тошку, завтра свалится сам.
А доют соловьи, от цветущей
черемухи голова кругом
идет, в темноте ночи
кричит выпль... И ничего-
ничего этого больше не будет.

Как пробраться к загад-
кам окружной тюрьмы, ох-
ватывавшей площадь, как
рассказывают, гектара в
три?

— После демонстрации
я лег отдохнуть, — делит-
ся бывший начальник Кол-
пашевского городского отде-
ления КГБ, а ныне работ-
ник областного управления
комитета В. Н. Копейко. —
Вдруг звонок из милиции:
«Там, на берегу, какое-то
ЧП». Еду туда. Круча осе-
ла, постоянно сыплется.
Торчат кости. Знал, что
здесь были расстреляны
более девяноста бандитов.

— Каких?

— А кто их знает... До-
кументов-то нет. Стали вы-
мывать останки. Плоские,
будто сдавленные катками,
грудные клетки. Находили
череп с пулевыми отвер-
стиями. Повсюду виден ка-
кой-то белый налет. Думаю,
трупы известью пересыпали,
заливали. Вымыли мы ог-
ромную площадь. Потом бу-
рильными станками про-
шлись, может, еще где ни-
ши с убитыми есть...

Много всяких разговоров
наслышался я за несколько
дней. Кто-то видел — шап-
ка торчала, кто-то ноту в
валенке углядел, река вы-
бирала в береге трупы и та-
щила их в Кетскую протоку,

прибывала к плотам, долго
разносила окрест. Споро,
быстро работала Обь. Один
заприметил то, другой —
второе, а когда весть о слу-
чившемся дошла через ми-
лицию до Копейко, вода
уже могла убрать очень и
очень многое. Верно скажу:
не знает он, сколько там ле-
жало убиенных. Почти пол-
месяца шли скорбные рабо-
ты, которые имели целью
раз и навсегда покончить с
вдруг обнаженной могилкой.

Сколько людей, десятки,
сотни, были убиты здесь, и
кто они? И мы с Михаилом
Михайловичем Журвалевым,
как могли, настойчиво рас-
путывали клубок. У берега,
слышавшего тюремные сто-
ны, не спросишь. И тайно

ведь делалось все, тихо.
Местная Воскресенская цер-
ковь не была в колокола по-
убиенным, людей уничтожи-
ли скрытно, и, хотя были
среди них подлинно святые
души, их не заносили в
святцы, а лишь отмечали в
картотеках, что с таким-то
«врагом народа» покончено.
Сколько бы хлеба выращи-
ли они, скольких бы детей
научили уму-разуму, сколь-
ко бы лишних штыков было
у нас в минувшую войну,
насколько бы двинули впе-
ред науку... Э-эх.

Колпашево — городок не-
большой, здесь многие зна-
ют друг друга. Пошли от ста-
рожила к старожилу. Кого-
то назвал пенсионер А. Г.
Монголин, кого-то замести-
тель начальника городского
отдела милиции В. Ф. Кар-
пов, при этом добавил:
«Трупов было много». Что-
то рассказал опытный кад-
ровый работник милиции
Э. А. Вальтер, что-то доба-
вил к его печальному пове-
ствованию начальник меж-
хозяйственной передвижной
механизированной колонны
№ 580 А. В. Витюк, нахо-
дившийся в 1979 году в
оцеплении на берегу Оби.
Так потихонечку-полегонеч-
ку мы вышли на М. Е. Ра-
китину, муж которой рабо-
тал в 1939 году оператив-
ным уполномоченным за
тем самым четырехметро-
вой высотой забором тю-
рмы. Мария же Ефимовна
трудилась во время войны
в военной цензуре НКВД.
«Вычеркивали в письмах на
фронт, что давит голод, сло-
вом, все, что говорило о
плохой, тяжелой жизни».

— Неужели у вас не воз-
никло желание полюбопыт-
ствовать, кто же там, в ка-
мерах?

— Начальник тюрьмы
Короткевич говорил мне:
«Ты туда не ходи, не при-
веди бог, провалишься где-
нибудь, а под ней трупы,
под тюрьмой». Подождите-
подождите... Ведь тут, ка-
кое-то время назад, я встре-
тила старика Конькова (фа-
мелия изменена. — В. Ч.),
а он, помнится, еще до вой-
ны был оперуполномочен-
ным НКВД.

Находим нужный дом,
квартиру — только бы по-
шевелился за дверью. По-
следняя ниточка. Человеку,
если он есть, где-то около
восьмидесяти. Открыл сам
хозяин, Борис Ефимович,

радушно пригласил:

— Проходите, усаживай-
тесь, лучше на кухне. В
комнате — жена больная,
почти не встает.

Еще крепкий старик, и
как позже узнали, с удиви-
тельной, ясной памятью. Пе-
реломился на низкой скаме-
ечке у наших ног, пожало-
вался:

«Удалось встретиться с бывшим (при нем Обь обнажила тюремную могилу) первым секретарем Колпашевского горкома партии, ныне генеральным директором территориально-производственного объединения «Томлеспром» В. Н. Шутовым. Он рассказывает:

«Сразу после первомайской демонстрации мне сообщили, что поднявшаяся Обь вымывает кости из берега. По существовавшей тогда одной из версий, это были останки уничтоженных бандитов. Так доложили органы. Чтобы на берегу не соби- рался народ, яр огради- ли, выставили оцепление. Экскаватор не подгонись — опасно, река бурлит, новые обвалы, осыпи могут быть. Вымывали винтами буксир- ных теплоходов. Останки вносило в запони, прибыва-

ло к берегам. Таких случаев было много.

Виктор Николаевич человек местный, из многодетной крестьянской семьи. Родился и вырос в деревне Крыловка Бакчарского района. Кого только не гнали сюда в страшные сталинские годы! Людям, чтобы не подохнуть от холода, приходилось жить в земляных норах, попрошайничать. Мужиков с Алтая запрятали в болота. Восемь километров они клали бревно к бревну — надо же пробиться связь топи хоть к островку твердой земли, где можно как-то постройться, бросить в почву в карманах принесенное зерно. Они пре- зомогли все, доказали, что

хозяин — он везде хозяин. И по дороге, проложенной на хлябях, несли в войну в коробах за спиной выращенный ими хлеб. Шли и из болот госпоставки — вот оно как. Не потому ли и сегодня в области берут с коровы и по три с половиной, и по четыре тысячи литров молока в год, что остался здесь дух тех жизнестойких «переселенцев»?

Мужик иногда такое палнет, отчаявшись прокормить семью и надрывая пуп, что потом его, бедолагу, гнали за язык в Колпашевскую тюрьму. И никому не было дела до сирот, до того, что мальчишки на одних колобках (картошка с луком) ломались по две смены на лесозаготовках и уходили из жизни, не договорив, не допев, не долбюб... Умирали дети от недоедания, болезней и в семье Шутовых.

— Печем с братьями в костре картошку, — вспоминает Виктор Николаевич, — подходит к нам выслан- ный, видать, голодающий,

просит: «Дайте одну...». У нас самих по одной на каждого, животы подвело, хоть кричи. Отказали, до сих пор та картина перед глазами.

«Бандиты из тайги...» Ловили их, последних доходят, лишенных всех прав, согнанных с родной земли, увезенных за тысячи километров от нее, охотились на них, точно на зверей. Кто хоть раз по-человечески посмотрел в полные муки глаза? Только отчаянно голодный мальчишка, понимающий, что, отдай он картошку, завтра свалится сам. А доют соловьи, от цветущей черемухи голова кругом идет, в темноте ночи кричит выпль... И ничего-ничего этого больше не будет.

Как пробраться к загадкам окружной тюрьмы, охватывавшей площадь, как рассказывают, гектара в три?

— После демонстрации я лег отдохнуть, — делится бывший начальник Колпашевского городского отделения КГБ, а ныне работник областного управления комитета В. Н. Копейко. — Вдруг звонок из милиции: «Там, на берегу, какое-то ЧП». Еду туда. Круча осела, постоянно сыплется. Торчат кости. Знал, что здесь были расстреляны более девяноста бандитов.

— Каких?

— А кто их знает... Документов-то нет. Стали вымывать останки. Плоские, будто сдавленные катками, грудные клетки. Находили черепа с пулевыми отверстиями. Повсюду виден какой-то белый налет. Думаю, трупы известью пересыпали, заливали. Вымыли мы огромную площадь. Потом бурильными станками прошлись, может, еще где ниши с убитыми есть...

Много всяких разговоров наслышался я за несколько дней. Кто-то видел — шапка торчала, кто-то ноту в валенке углядел, река выбирала в береге трупы и тащила их в Кетскую протоку,

прибывала к плотам, долго разносила окрест. Споро, быстро работала Обь. Один заприметил то, другой — второе, а когда весть о случившемся дошла через милицию до Копейко, вода уже могла убрать очень и очень многое. Верно скажу: не знает он, сколько там лежало убиенных. Почти полмесяца шли скорбные работы, которые имели целью раз и навсегда покончить с вдруг обнаженной могилкой.

Сколько людей, десятки, сотни, были убиты здесь, и кто они? И мы с Михаилом Михайловичем Журвалевым, как могли, настойчиво распутывали клубок. У берега, слышавшего тюремные стоны, не спросишь. И тайно

ведь делалось все, тихо. Местная Воскресенская церковь не была в колокола поубиенным, людей уничтожили скрытно, и, хотя были среди них подлинно святые души, их не заносили в святцы, а лишь отмечали в картотеках, что с таким-то «врагом народа» покончено. Сколько бы хлеба вырастили они, скольких бы детей научили уму-разуму, сколько бы лишних штыков было у нас в минувшую войну, насколько бы двинули вперед науку... Э-эх.

Колпашево — городок небольшой, здесь многие знают друг друга. Пошли от старожилы к старожилу. Кого-то назвал пенсионер А. Г. Монголин, кого-то заместитель начальника городского отдела милиции В. Ф. Карпов, при этом добавил: «Трупов было много». Что-то рассказал опытный кадровый работник милиции Э. А. Вальтер, что-то добавил к его печальному повествованию начальник межхозяйственной передвижной механизированной колонны № 580 А. В. Витюк, находившийся в 1979 году в оцеплении на берегу Оби. Так потихонечку-полегонечку мы вышли на М. Е. Ракитину, муж которой работал в 1939 году оперативным уполномоченным за тем самым четырехметровой высотой забором тюрьмы. Мария же Ефимовна трудилась во время войны в военной цензуре НКВД. «Вычеркивали в письмах на фронт, что давит голод, словом, все, что говорило о плохой, тяжелой жизни».

— Неужели у вас не возникло желание полюбопытствовать, кто же там, в камерах?

— Начальник тюрьмы Короткевич говорил мне: «Ты туда не ходи, не приведи бог, провалишься где-нибудь, а под ней трупы, под тюрьмой». Подождите-подождите... Ведь тут, какое-то время назад, я встретила старика Конькова (фамилия изменена. — В. Ч.), а он, помнится, еще до войны был оперуполномоченным НКВД.

Находим нужный дом, квартиру — только бы пошевелился за дверью. Последняя ниточка. Человеку, если он есть, где-то около восьмидесяти. Открыл сам хозяин, Борис Ефимович,

радушно пригласил: — Проходите, усаживайтесь, лучше на кухне. В комнате — жена больная, почти не встает. Еще крепкий старик, и как позже узнали, с удивительной, ясной памятью. Переломился на низкой скамеечке у наших ног, пожаловался:

«Удалось встретиться с бывшим (при нем Обь обнажила тюремную могилу) первым секретарем Колпашевского горкома партии, ныне генеральным директором территориально-производственного объединения «Томлеспром» В. Н. Шутовым. Он рассказывает:

«Сразу после первомайской демонстрации мне сообщили, что поднявшаяся Обь вымывает кости из берега. По существовавшей тогда одной из версий, это были останки уничтоженных бандитов. Так доложили органы. Чтобы на берегу не соби- рался народ, яр огради- ли, выставили оцепление. Экскаватор не подгонись — опасно, река бурлит, новые обвалы, осыпи могут быть. Вымывали винтами буксир- ных теплоходов. Останки вносило в запони, прибыва-

ло к берегам. Таких случаев было много.

Виктор Николаевич человек местный, из многодетной крестьянской семьи. Родился и вырос в деревне Крыловка Бакчарского района. Кого только не гнали сюда в страшные сталинские годы! Людям, чтобы не подохнуть от холода, приходилось жить в земляных норах, попрошайничать. Мужиков с Алтая запрятали в болота. Восемь километров они клали бревно к бревну — надо же пробиться связь топи хоть к островку твердой земли, где можно как-то постройться, бросить в почву в карманах принесенное зерно. Они пре- зомогли все, доказали, что

хозяин — он везде хозяин. И по дороге, проложенной на хлябях, несли в войну в коробах за спиной выращенный ими хлеб. Шли и из болот госпоставки — вот оно как. Не потому ли и сегодня в области берут с коровы и по три с половиной, и по четыре тысячи литров молока в год, что остался здесь дух тех жизнестойких «переселенцев»?

Мужик иногда такое палнет, отчаявшись прокормить семью и надрывая пуп, что потом его, бедолагу, гнали за язык в Колпашевскую тюрьму. И никому не было дела до сирот, до того, что мальчишки на одних колобках (картошка с луком) ломались по две смены на лесозаготовках и уходили из жизни, не договорив, не допев, не долбюб... Умирали дети от недоедания, болезней и в семье Шутовых.

— Печем с братьями в костре картошку, — вспоминает Виктор Николаевич, — подходит к нам выслан- ный, видать, голодающий,

просит: «Дайте одну...». У нас самих по одной на каждого, животы подвело, хоть кричи. Отказали, до сих пор та картина перед глазами.

«Бандиты из тайги...» Ловили их, последних доходят, лишенных всех прав, согнанных с родной земли, увезенных за тысячи километров от нее, охотились на них, точно на зверей. Кто хоть раз по-человечески посмотрел в полные муки глаза? Только отчаянно голодный мальчишка, понимающий, что, отдай он картошку, завтра свалится сам. А доют соловьи, от цветущей черемухи голова кругом идет, в темноте ночи кричит выпль... И ничего-ничего этого больше не будет.

Как пробраться к загадкам окружной тюрьмы, охватывавшей площадь, как рассказывают, гектара в три?

— После демонстрации я лег отдохнуть, — делится бывший начальник Колпашевского городского отделения КГБ, а ныне работник областного управления комитета В. Н. Копейко. — Вдруг звонок из милиции: «Там, на берегу, какое-то ЧП». Еду туда. Круча осела, постоянно сыплется. Торчат кости. Знал, что здесь были расстреляны более девяноста бандитов.

— Каких?

— А кто их знает... Документов-то нет. Стали вымывать останки. Плоские, будто сдавленные катками, грудные клетки. Находили черепа с пулевыми отверстиями. Повсюду виден какой-то белый налет. Думаю, трупы известью пересыпали, заливали. Вымыли мы огромную площадь. Потом бурильными станками прошлись, может, еще где ниши с убитыми есть...

Много всяких разговоров наслышался я за несколько дней. Кто-то видел — шапка торчала, кто-то ноту в валенке углядел, река выбирала в береге трупы и тащила их в Кетскую протоку,

прибывала к плотам, долго разносила окрест. Споро, быстро работала Обь. Один заприметил то, другой — второе, а когда весть о случившемся дошла через милицию до Копейко, вода уже могла убрать очень и очень многое. Верно скажу: не знает он, сколько там лежало убиенных. Почти полмесяца шли скорбные работы, которые имели целью раз и навсегда покончить с вдруг обнаженной могилкой.

Сколько людей, десятки, сотни, были убиты здесь, и кто они? И мы с Михаилом Михайловичем Журвалевым, как могли, настойчиво распутывали клубок. У берега, слышавшего тюремные стоны, не спросишь. И тайно

лет, о том времени рассказывал оледушнее:

пов рассказанных и прищипать голы "врагов народа" зна

Да, нарымский край на-
виделся мертвых, намот-
релся всякого. В Томске мне
удалось встретиться с быв-
шим (при нем Обь обнажила
тюремную могилу) первым
секретарем Колпашевского
горкома партии, ныне гене-
ральным директором терри-
ториально-производствен-
ного объединения «Томлес-
пром» В. Н. Шутовым. Он
рассказывает:

— Сразу после первомай-
ской демонстрации мне со-
общили, что поднявшаяся
Обь вымывает кости из бе-
рега. По существовавшей
тогда одной из версий, это
были останки уничтоженных
бандитов. Так доложили ор-
ганы. Чтобы на берегу не
собирался народ, яр огради-
ли, выставили оцепление.
Экскаватор не подгонись —
опасно, река бурлит, новые
обвалы, осыпи могут быть.
Вымывали винтами буксир-
ных теплоходов. Останки
вносило в запони, прибыва-

ло к берегам. Таких случа-
ев было много.

Виктор Николаевич
человек местный, из много-
детной крестьянской семьи.
Родился и вырос в деревне
Крыловка Бакчарского рай-
она. Кого только не гнали
сюда в страшные сталин-
ские годы! Людям, чтобы
не подохнуть от холода,
приходилось жить в земля-
ных норах, попрошайничать.
Мужиков с Алтая запрята-
ли в болота. Восемь кило-
метров они клали бревно к
бревну — надо же пробить-
ся связь топи хоть к ост-
ровку твердой земли, где
можно как-то постройться,
бросить в почву в карманах
принесенное зерно. Они пре-
возмогли все, доказали, что

хозяин — он везде хозяин.
И по дороге, проложенной
на хлябях, несли в войну в
коробах за спиной выращен-
ный ими хлеб. Шли и из
болот госпоставки — вот
оно как. Не потому ли и се-
годня в области берут с ко-
ровы и по три с половиной,
и по четыре тысячи литров
молока в год, что остался
здесь дух тех жизнестойких
«переселенцев»?

Мужик иногда такое пал-
нет, отчаявшись прокормить
семью и надрывая пуп, что
потом его, бедолагу, гнали
за язык в Колпашевскую
тюрьму. И никому не было
дела до сирот, до того, что
мальчишки на одних колоб-
ках (картошка с луком) ло-
мались по две смены на ле-
созаготовках и уходили из
жизни, не договорив, не до-
пев, не долбюб... Умирали
дети от недоедания, болез-
ней и в семье Шутовых.

— Печем с братьями в
костре картошку, — вспо-
минает Виктор Николаевич,
— подходит к нам выслан-
ный, видать, голодающий,

просит: «Дайте одну...». У
нас самих по одной на каж-
дого, животы подвело, хоть
кричи. Отказали, до сих пор
та картина перед глазами.

«Бандиты из тайги...»
Ловили их, последних дохо-
дят, лишенных всех прав,
согнанных с родной земли,
увезенных за тысячи кило-
метров от нее, охотились на
них, точно на зверей. Кто
хоть раз по-человечески по-
смотрел в полные муки гла-
за? Только отчаянно голо-
дный мальчишка, пони-
мающий, что, отдай он кар-
тошку, завтра свалится сам.
А доют соловьи, от цвету-
щей черемухи голова круг-
гом идет, в темноте ночи
кричит выпль... И ничего-
ничего этого больше не будет.

Как пробраться к загад-
кам окружной тюрьмы, ох-
ватывавшей площадь, как
рассказывают, гектара в
три?

— После демонстрации
я лег отдохнуть, — делит-
ся бывший начальник Кол-
пашевского городского отде-
ления КГБ, а ныне работ-
ник областного управления
комитета В. Н. Копейко. —
Вдруг звонок из милиции:
«Там, на берегу, какое-то
ЧП». Еду туда. Круча осе-
ла, постоянно сыплется.
Торчат кости. Знал, что
здесь были расстреляны
более девяноста бандитов.

— Каких?
— А кто их знает... До-
кументов-то нет. Стала вы-
мывать останки. Плоские,
будто сдавленные катками,
грудные клетки. Находили
череп с пулевыми отвер-
стиями. Повсюду виден ка-
кой-то белый налет. Думаю,
трупы известью пересыпали,
заливали. Вымыли мы ог-
ромную площадь. Потом бу-
рильными станками про-
шлись, может, еще где ни-
ши с убитыми есть...

Много всяких разговоров
наслышался я за несколько
дней. Кто-то видел — шап-
ка торчала, кто-то ноту в
валенке углядел, река вы-
бирала в береге трупы и та-
щила их в Кетскую протоку,

прибывала к плотам, долго
разносила окрест. Споро,
быстро работала Обь. Один
заприметил то, другой —
второе, а когда весть о слу-
чившемся дошла через ми-
лицию до Копейко, вода
уже могла убрать очень и
очень многое. Верно скажу:
не знает он, сколько там ле-
жало убиенных. Почти пол-
месяца шли скорбные рабо-
ты, которые имели целью
раз и навсегда покончить с
вдруг обнаженной могилкой.

Сколько людей, десятки,
сотни, были убиты здесь, и
кто они? И мы с Михаилом
Михайловичем Журвалевым,
как могли, настойчиво рас-
путывали клубок. У берега,
слышавшего тюремные сто-
ны, не спросишь. И тайно

ведь делалось все, тихо.
Местная Воскресенская цер-
ковь не была в колокола по-
убиенным, людей уничтожи-
ли скрытно, и, хотя были
среди них подлинно святые
души, их не заносили в
святцы, а лишь отмечали в
картотеках, что с таким-то
«врагом народа» покончено.
Сколько бы хлеба выращи-
ли они, скольких бы детей
научили уму-разуму, сколь-
ко бы лишних штыков было
у нас в минувшую войну,
насколько бы двинули впе-
ред науку... Э-эх.

Колпашево — городок не-
большой, здесь многие зна-
ют друг друга. Пошли от ста-
рожила к старожилу. Кого-
то назвал пенсионер А. Г.
Монголин, кого-то замести-
тель начальника городского
отдела милиции В. Ф. Кар-
пов, при этом добавил:
«Трупов было много». Что-
то рассказал опытный кад-
ровый работник милиции
Э. А. Вальтер, что-то доба-
вил к его печальному пове-
ствованию начальник меж-
хозяйственной передвижной
механизированной колонны
№ 580 А. В. Витюк, нахо-
дившийся в 1979 году в
оцеплении на берегу Оби.
Так потихонечку-полегонеч-
ку мы вышли на М. Е. Ра-
китину, муж которой рабо-
тал в 1939 году оператив-
ным уполномоченным за
тем самым четырехметро-
вой высотой забором тю-
рмы. Мария же Ефимовна
трудилась во время войны
в военной цензуре НКВД.
«Вычеркивали в письмах на
фронт, что давит голод, сло-
вом, все, что говорило о
плохой, тяжелой жизни».

— Неужели у вас не воз-
никло желание полюбопыт-
ствовать, кто же там, в ка-
мерах?

— Начальник тюрьмы
Короткевич говорил мне:
«Ты туда не ходи, не при-
веди бог, провалишься где-
нибудь, а под ней трупы,
под тюрьмой». Подождите-
подождите... Ведь тут, ка-
кое-то время назад, я встре-
тила старика Конькова (фа-
миллия изменена. — В. Ч.),
а он, помнится, еще до вой-
ны был оперуполномочен-
ным НКВД.

Находим нужный дом,
квартиру — только бы по-
шевелился за дверью. По-
следняя ниточка. Человеку,
если он есть, где-то около
восьмидесяти. Открыл сам
хозяин, Борис Ефимович,

радушно пригласил:

— Проходите, усаживай-
тесь, лучше на кухне. В
комнате — жена больная,
почти не встает.

Еще крепкий старик, и
как позже узнали, с удиви-
тельной, ясной памятью. Пе-
реломился на низкой скаме-
ечке у наших ног, пожало-
вался:

«Удалось встретиться с бывшим (при нем Обь обнажила тюремную могилу) первым секретарем Колпашевского горкома партии, ныне генеральным директором территориально-производственного объединения «Томлеспром» В. Н. Шутовым. Он рассказывает:

«Сразу после первомайской демонстрации мне сообщили, что поднявшаяся Обь вымывает кости из берега. По существовавшей тогда одной из версий, это были останки уничтоженных бандитов. Так доложили органы. Чтобы на берегу не соби- рался народ, яр огради- ли, выставили оцепление. Экскаватор не подгонись — опасно, река бурлит, новые обвалы, осыпи могут быть. Вымывали винтами буксир- ных теплоходов. Останки вносило в запони, прибыва-

ло к берегам. Таких случаев было много.

Виктор Николаевич человек местный, из многодетной крестьянской семьи. Родился и вырос в деревне Крыловка Бакчарского района. Кого только не гнали сюда в страшные сталинские годы! Людям, чтобы не подохнуть от холода, приходилось жить в земляных норах, попрошайничать. Мужиков с Алтая запрятали в болота. Восемь кило- метров они клали бревно к бревну — надо же пробить- ся связь топи хоть к ост- ровку твердой земли, где можно как-то постройться, бросить в почву в карманах принесенное зерно. Они пре- зомогли все, доказали, что

хозяин — он везде хозяин. И по дороге, проложенной на хлябях, несли в войну в коробах за спиной выращен- ный ими хлеб. Шли и из болот госпоставки — вот оно как. Не потому ли и се- годня в области берут с ко- ровы и по три с половиной, и по четыре тысячи литров молока в год, что остался здесь дух тех жизнестойких «переселенцев»?

Мужик иногда такое пал- нет, отчаявшись прокормить семью и надрывая пуп, что потом его, бедолагу, гнали за язык в Колпашевскую тюрьму. И никому не было дела до сирот, до того, что мальчишки на одних колоб- ках (картошка с луком) ломались по две смены на ле- созаготовках и уходили из жизни, не договорив, не до- пев, не долбюб... Умирали дети от недоедания, болез- ней и в семье Шутовых.

— Печем с братьями в костре картошку, — вспо- минает Виктор Николаевич, — подходит к нам выслан- ный, видать, голодающий,

просит: «Дайте одну...». У нас самих по одной на каж- дого, животы подвело, хоть кричи. Отказали, до сих пор та картина перед глазами.

«Бандиты из тайги...» Ловили их, последних дохо- дят, лишенных всех прав, согнанных с родной земли, увезенных за тысячи кило- метров от нее, охотились на них, точно на зверей. Кто хоть раз по-человечески по- смотрел в полные муки гла- за? Только отчаянно голо- дный мальчишка, пони- мающий, что, отдай он кар- тошку, завтра свалится сам. А доют соловьи, от цвету- щей черемухи голова круг- гом идет, в темноте ночи кричит выпль... И ничего- ничего этого больше не будет.

Как пробраться к загад- кам окружной тюрьмы, ох- ватывавшей площадь, как рассказывают, гектара в три?

— После демонстрации я лег отдохнуть, — делит- ся бывший начальник Кол- пашевского городского отде- ления КГБ, а ныне работ- ник областного управления комитета В. Н. Копейко. — Вдруг звонок из милиции: «Там, на берегу, какое-то ЧП». Еду туда. Круча осе- ла, постоянно сыплется. Торчат кости. Знал, что здесь были расстреляны более девяноста бандитов.

— Каких?
— А кто их знает... До- кументов-то нет. Стала вы- мывать останки. Плоские, будто сдавленные катками, грудные клетки. Находили черепа с пулевыми отвер- стиями. Повсюду виден ка- кой-то белый налет. Думаю, трупы известью пересыпали, заливали. Вымыли мы ог- ромную площадь. Потом бу- рильными станками про- шлись, может, еще где ни- ши с убитыми есть...

Много всяких разговоров наслышался я за несколько дней. Кто-то видел — шап- ка торчала, кто-то ноту в валенке углядел, река вы- бирала в береге трупы и та- щила их в Кетскую протоку,

прибывала к плотам, долго разносила окрест. Споро, быстро работала Обь. Один заприметил то, другой — второе, а когда весть о слу- чившемся дошла через ми- лицию до Копейко, вода уже могла убрать очень и очень многое. Верно скажу: не знает он, сколько там ле- жало убиенных. Почти пол- месяца шли скорбные рабо- ты, которые имели целью раз и навсегда покончить с вдруг обнаженной могилкой.

Сколько людей, десятки, сотни, были убиты здесь, и кто они? И мы с Михаилом Михайловичем Журвалевым, как могли, настойчиво рас- путывали клубок. У берега, слышавшего тюремные сто- ны, не спросишь. И тайно

ведь делалось все, тихо. Местная Воскресенская цер- ковь не была в колокола по- убиенным, людей уничтожи- ли скрытно, и, хотя были среди них подлинно святые души, их не заносили в святцы, а лишь отмечали в картотеках, что с таким-то «врагом народа» покончено. Сколько бы хлеба выращи- ли они, скольких бы детей научили уму-разуму, сколь- ко бы лишних штыков было у нас в минувшую войну, насколько бы двинули впе- ред науку... Э-эх.

Колпашево — городок не- большой, здесь многие зна- ют друг друга. Пошли от ста- рожила к старожилу. Кого- то назвал пенсионер А. Г. Монголин, кого-то замести- тель начальника городского отдела милиции В. Ф. Кар- пов, при этом добавил: «Трупов было много». Что- то рассказал опытный кад- ровый работник милиции Э. А. Вальтер, что-то доба- вил к его печальному пове- стованию начальник меж- хозяйственной передвижной механизированной колонны № 580 А. В. Витюк, нахо- дившийся в 1979 году в оцеплении на берегу Оби. Так потихонечку-полегонеч- ку мы вышли на М. Е. Ра- китину, муж которой рабо- тал в 1939 году оператив- ным уполномоченным за тем самым четырехметро- вой высотой забором тю- рмы. Мария же Ефимовна трудилась во время войны в военной цензуре НКВД. «Вычеркивали в письмах на фронт, что давит голод, сло- вом, все, что говорило о плохой, тяжелой жизни».

— Неужели у вас не воз- никло желание полюбопыт- ствовать, кто же там, в ка- мерах?

— Начальник тюрьмы Короткевич говорил мне: «Ты туда не ходи, не при-веди бог, провалишься где-нибудь, а под ней трупы, под тюрьмой». Подождите- подождите... Ведь тут, ка- кое-то время назад, я встре- тила старика Конькова (фа- миллия изменена. — В. Ч.), а он, помнится, еще до вой- ны был оперуполномочен- ным НКВД.

Находим нужный дом, квартиру — только бы по-шевелился за дверью. По- следняя ниточка. Человеку, если он есть, где-то около восьмидесяти. Открыл сам хозяин, Борис Ефимович,

радушно пригласил:
— Проходите, усаживай- тесь, лучше на кухне. В комнате — жена больная, почти не встает.
Еще крепкий старик, и как позже узнали, с удиви- тельной, ясной памятью. Пе- реломился на низкой скаме- ечке у наших ног, пожало- вался:

лет, о том времени рассказывал оледушнее:

пов расстрелянных и пригласил голы "врагов народа" зна

— Язва, язвы ее, не дает покоя. А в больнице никаких лекарств. Пло-о-хо.

Пришла жена, когда узнала, зачем пожаловали, прискрелась по стеночке. Тихо поведала:

— Брат в те первомайские дни плавник по реке собирал. Ну, сбил плот, а уж вот она, ночь. А поутру пришел — бревнышки его трупы облепили.

— Много людей проходило через тюрьму? — спрашиваем Колькова.

— Сотни и сотни. Здесь же и этапы готовили. Знаю одно: шли коммунисты, советские работники, первые председатели колхозов. Большинство — люди местные. Расстреливали, как слышал, в семи камерах, под которыми находились ямы, куда и сбрасывали трупы. Сам я в этом участия не принимал.

— По роду своей службы вы, наверное, наводили на этих людей?

— Нет, нет, — прячет глаза, — я занимался другим. А вот в расстрелах принимал участие старший оперуполномоченный Кох, Николай Иванович. Работали там же Калинин, Иванов, едва началась война, они ушли добровольцами на фронт. Были еще начальник следственной части Сафрон Петрович Карпов, начальники отделов Кипирвас, Гришин, ну и, конечно, помнится мне начальник Нарымского НКВД Николай Алексеевич Ульянов. — Задумывается. — А всего в аппарате у нас находилось тридцать семь человек.

Об Ульянове скажет и Владимир Николаевич Колько: «Я как раз делами репрессированных занимаюсь, эта фамилия мне встречалась». Кто ориентировал органы на арест того или другого — разве теперь дознаешься, а вдруг? Но Кольков, по его словам, ловил только бандитов. Если совесть спокойна — хорошо.

— Меня совсем другому учили в Новосибирской школе НКВД — уважать социалистический правопорядок, а вышло...

Колпашево — к северу от Томска и от него примерно в часе лета на маленьком самолете. Я глядел в иллюминатор, пытаюсь еще раз увидеть берег, в котором лежали убитые люди. И прятал при этом нос в теплый шарф: все проведенное в древнем городке время я никак не мог согреться, трясло даже в овчине —

моих односельчан — это судьба почти всех поляков той его Союз, оказавшихся при сталинском режиме репрессированных народов. Следует сказать, что генералы и офицеры армейских частей, в том числе и в войсках НКВД, тоже были репрессированы.

настолько проник в меня холод обского яра. Вон она, размытая впадина, скорбное пятно у реки... Ее воды катили к месту ссылки на пароходе «Колпашевец» Иосифа Джугашвили. Не сундучок его остался здесь — кровавый след.

Память о загубленных в Колпашево надо сохранить, чтобы дети наши знали о случившемся, чтобы подобного больше никогда не повторилось. История должна учить.

А рассказанное здесь пусть продолжат те, кто остался жив, пройдя через тюрьму на крутом берегу Оби.

В. ЧЕРТКОВ.
(Спец. корр.
«Правды»).

Томская область.

(Газета «Правда» за 11 мая 1989 г.)

восстановил Суд

бывшего одним из цид в от начал ос тогда ст окая пре вших поз нове гонк ков. Мне шить мо ных свя ду и пле Нач или иной мунистич щего и с же самый страшный период для российских поляков пришелся на 1937-38 годы — годы массовых арестов и репрессий неугодных "Отцу народов" отдельных личностей и целых народов. Этот тема и посвящена первая часть книги. В ней приводятся воспоминания участников и свидетелей тех событий, используются материалы архивно-следственных дел осужденных, расска-

рождениях и в том числе и на каждом поле

От редакции: к теме колпашевского яра, с которым связаны трагические страницы истории города на Оби, «Красное знамя» дважды обращалось в этом году. В номере от 9 февраля члены совета общества «Мемориал» обратились к жителям области с просьбой сообщить какие-либо сведения об этом месте массового захоронения людей. На основе поступивших писем в первом выпуске «Мемориала» (8 апреля) журналист Е. Фролов рассказал о двух версиях событий, которые, конечно же, требуют объективных доказательств. Поиск в этом направлении членами общества «Мемориал» и журналистами продолжается.

Тема колпашевского яра вызвала широкий резонанс, ее подхватили центральные и местные газеты. Перепечаткой из «Правды» мы рассчитываем приблизиться к истине: и разумеется, с помощью наших читателей. В ближайшее время мы вновь вернемся к этой теме.

весь ушеллид, илена, годи

В тридцатие односельчан останавлялся тогда Об все новые и новые фамили избавкашим участка свой 1936-ом году был осуخته рушение правил торговли ре всего два года из при Собрание по вооп ранних затем перещавал с теми идеал подтвержден ло, опираи подтверждалис своих розничек получил с иovanja в областной газе очередь о судьбе белостон конце очежка был помеще белостонцев в количестве не ожидал, что этот оче нием, как выяснилось, ч ки расстрельных вперед делов...

Десятки односельчан осужденных в разных конц